

18+

Никита Андреевич
Меньков

**Счастлиное
время.
Сборник**

Никита Андреевич Меньков

Счастливое время. Сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70586089

ISBN 9785006281608

Аннотация

В сборник вошла повесть «Давление» и рассказ «Две подруги». Действие в них происходит в 1964 году – на стыке эпох Хрущёва и Брежнева. В произведениях рассказывается о жизни простых советских людей, об их радостях, трудностях, ценностях и идеалах.

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
ДАВЛЕНИЕ	9
ГЛАВА 1. САШИНА СЕМЬЯ	9
ГЛАВА 2. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ	15
ГЛАВА 3. АНФИСА	20
ГЛАВА 4. ВАЛЕНТИНА ТЕРЕШКОВА	26
ГЛАВА 5. У ИВАНА ИВАНОВИЧА	31
ГЛАВА 6. ВОСЬМОЕ МАРТА	35
ГЛАВА 7. БЕГСТВО	38
ГЛАВА 8. У БАБЫ АНИ	41
ГЛАВА 9. ПРОЩЕНИЕ	45
ГЛАВА 10. ПИСЬМО БАБУШКЕ	49
ГЛАВА 11. ЧУДЕСНАЯ КНИГА	54
ГЛАВА 12. УЧЕНИКИ	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Счастлиное время. Сборник

**Никита Андреевич
Меньков**

© Никита Андреевич Меньков, 2024

ISBN 978-5-0062-8160-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Отрываются последние листки календаря, заполняются последние страницы летописи 1963 года.

Поднимая в новогоднюю ночь первый бокал, миллионы советских людей по старой доброй традиции провозглашают тост за год уходящий, год-труженик.

Могучим заключительным аккордом созидательной симфонии 1963 года прозвучали решения декабрьского Пленума ЦК КПСС и очередной сессии Верховного Совета СССР. В этих решениях – план дальнейшего развития страны по пути к коммунизму. Большими шагами большой химии будем мы измерять дела и достижения наши в грядущем году. И на этом новом этапе подъема экономики страны с еще большей силой будет звучать лозунг, провозглашенный партией: «Все во имя человека, для блага человека».

Мы вступаем в год 1964-й с возросшими надеждами на мир. Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космосе и под водой – долгожданная первая ласточка, предвещающая весну мира. Мы гордимся тем, что наша партия и наше правительство, выражая волю народа, сыграли решающую роль в заключении этого исторического договора.

Когда люди с висками, уже тронутыми сединой, поднимут в новогоднюю ночь бокалы за мир, они, наверное, вспомнят

о грозных и славных событиях, годовщины которых торжественно отмечались в 1963 году. В первом ряду таких незабываемых дат, записанных в истории кровью лучших сынов и дочерей нашей страны, было 20-летие Волгоградской битвы. И, вступая в новый год с возросшими надеждами на мир, советские люди еще и еще раз склонят головы перед вечной памятью тех, кто ценою жизни своей защитил и отстоял эти надежды.

Год 1963-й навсегда вошел в наши сердца и в историю как год новых выдающихся побед в космосе: беспримерных полетов Валерия Быковского и первой в мире женщины-космонавта Валентины Терешковой. Социализм по-прежнему лидирует в мирном соревновании по освоению космоса.

За миллионы отпразднованных и грядущих новоселий провозгласят новогодний тост строители. Вспомнят о штурме м перекрытии Енисея гидростроители. За созданный в 1963 году еще один гигантский мост дружбы, соединивший Москву с Гаваной, поднимут бокалы свободные от вахты труженики Аэрофлота. За повторение прошлогоднего успеха на чемпионате мира выпьют (совсем по капле!) наши хоккеисты, и за то, чтобы, встречая 1965 год, наполнить вином Кубок Европы, – наши футболисты.

Много добрых и славных свершений оставляет нам в наследство год 1963-й. Но были у нас и трудности. Не баловала своими щедротами природа, что отразилось на урожае. Мы откровенно признаем это и тут же разрабатываем смелые

планы развития химии, призванной обуздать стихию. В этой откровенности и смелости – залог грядущих успехов.

С непоколебимой верой в конечное торжество нашего дела встречаем мы новый год. Мы идем вперед и только вперед. И каждый год – новая ступень нашего подъема к светлым вершинам коммунизма.

Новый мир, новый общественный строй, родившийся в огне Октябрьской революции, с каждым годом все решительнее берет верх над миром уходящим, отживающим. Орудийный раскат «Авроры» до сих пор отдается гулким эхом во всех концах земного шара. В недавних ответах Н. С. Хрущева на вопросы редакций четырех газет стран Африки и Азии с исчерпывающей полнотой говорится о тех колоссальных сдвигах в пользу сил мира и прогресса, которые произошли в мире.

...Мы приглашаем тебя, дорогой читатель, в наш новогодний номер. Вместе с тобой мы пожимаем крепкую трудовую руку году 1963-му и с доброй улыбкой выходим навстречу Новому году. Мы предлагаем тебе, читатель, присоединиться к тем новогодним тостам, которые провозглашают за круглым столом «Огонька» космонавт №1 Юрий Гагарин и монтажник Вячеслав Квачев, колхозница Люба Ли и писатель Сергей Михалков, штангист Юрий Власов и легкоатлет Валерий Брумель и другие новогодние гости журнала.

С Новым годом, друзья!

С новым счастьем!»

(«Огонёк», №1 (1906), 1 января 1964)

ДАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. САШИНА СЕМЬЯ

Сессия была закрыта. Вздохнув с облегчением, Саша отдал зачётку в учебную часть, посидел немного с друзьями в столовой и поехал домой – отсыпаться. Сегодня он опять провёл ночь в монотонной зубрёжке, и теперь кружилась голова.

Как только он прибыл домой и стал разуваться, из кухни выглянула мама:

– Ну, как сдал?

– На «отлично», – ответил он.

– Ну и замечательно. Я селянку приготовила. Мой руки и садись обедать.

Отец Никита Ростиславович и брат Валерка были на работе. Раньше квартира была переполнена людьми, а потом старшие дети выросли, разъехались, создали свои семьи, и они остались вчетвером – родители и два младших сына. У Саши появилась своя комнатка, чему он не мог нарадоваться.

Пообедав, он прилёт на кровать и проспал до вечера. А вечером стал собирать чемодан в дорогу – завтра он поедет на поезде к бабушке и дедушке. Но поедет не бездельничать,

а писать дипломную работу. Он взял с собой нужные книги, тетради, ручки и карандаши.

Пока он собирался, пришёл отец, а потом и Валерка, и мама позвала всех ужинать. Саша старался лишний раз не пересекаться с отцом – тот любил читать им с Валеркой длинные нотации и ругал куда чаще, чем хвалил.

Теперь он сидел за столом задумчивый, ел селянку и смотрел в одну точку. Сыновья поглядывали то друг на друга, то на него.

– Молодец, Саша, – сказал наконец он. – Мама мне рассказала – ты успешно закрыл сессию. Умница. Закончишь университет – достану тебе путёвку на море, отдохнёшь там перед поступлением в аспирантуру...

Саша вздохнул. Ещё ведь аспирантура... А он собрался этим летом перебраться в провинцию – поближе к бабушке и дедушке, так он будет чаще их видеть. И к тому же там живёт Лена, с которой он проходил практику и которая ему очень нравится. Но теперь ему придётся на три года задержаться здесь...

Ещё в школе он мечтал уехать в родной город, но Никита Ростиславович сказал ему: «Ты должен выучиться в университете – а потом дуй на все четыре стороны. Никто тебя держать не станет». Саша хотел поступить в один университет, а отец настоял, чтобы он поступил в другой: «Мой сын должен учиться в МГУ». И вот Саша проучился пять лет на филологическом факультете. Было трудно, на первых

порах у него даже нервы сдавали... А теперь отец настаивает, чтобы он поступил в аспирантуру. Наверное, просто хочет, чтобы Саша не выходил из-под его контроля, так же, как и остальные четверо детей.

Отец стал беседовать о чём-то с Валеркой, но Саша их не слушал – думал, как же теперь быть.

У дедушки и бабушки Саши было четверо детей: мама Саши, тётя, которая теперь жила в Сибири, и двое дядьёв – старший умер до начала войны, младший погиб на фронте. Вдова младшего дяди, тётя Настя, была женщиной крупного телосложения, с простым характером. Она жила неподалёку от бабушки и дедушки, роднилась с ними, называла их мамой и папой, приносила им то, что сама стряпала, помогала по хозяйству. Племянника она любила и к каждому его приезду пекла картофельный пирог, который он обожал. Сашиной бабушке было приятно, что и зять Никита Ростиславович, и сноха Настя называют её мамой. Даже Саша, бывало, оговаривался и называл её мамой. Она вместе с Настей воспитала внука Володю, и Саша порой завидовал двоюродному брату, который виделся с бабушкой куда чаще, чем он. Но бабушка любила Сашу ничуть не меньше.

Каникулы прошли тихо и радостно. Оказавшись в бабушкиной избушке, Саша вновь погрузился в детство. Каждый день бабушка баловала его вкусными пирожками, оладьями и ватрушками, заботилась о нём. К его приезду она связала

ему новые носки и варежки.

Дедушка болел, но старался отвлечься – уходил в сарай, что-то мастерил там. Или вставал спозаранку и шёл чистить двор от выпавшего за ночь снега. Саша, проснувшись, брал у него лопату и чистил сам; снега выпало столько, что пришлось очищать не только двор и дорожку от двора к дороге на улице, но и крышу дома. Улицы в деревеньке чистили трактором.

Здесь прошло раннее детство Саши. Но родился он в Казахстане, в эвакуации. Там прожил первый год, после чего семья вернулась на родное пепелище. Домик бабушки и дедушки пострадал от взрывов, здесь хозяйничали немцы, но всё удалось привести в порядок: вставили новые окна вместо выбитых, подлатали крышу, поставили новый забор; отец сложил новую печь. С ним Саша встретился впервые в три года: Никита Ростиславович ушёл на фронт ещё до его рождения, воевал под Москвой и в Сталинграде, дошёл до Берлина.

Саша помнил, как бабушка вставала ни свет ни заря, и он сквозь сон слышал её тихие шаги и будто всё видел с закрытыми глазами – и как она выходит во двор, и как топит печку, и как месит и раскатывает тесто. А потом он совсем просыпался – от аромата пирожков, таких вкусных-превкусных! Но есть приходилось медленно – горячие.

В шесть лет Саша уехал с родителями, братьями и сестрой в Москву – там умерла другая бабушка, мать отца, и оставила

ему квартиру. К тому же отец хотел работать в Москве.

Он начал свою политическую карьеру ещё при Сталине. А когда к власти пришёл Хрущёв, он проявил себя его верным сторонником, принял активное участие в сельскохозяйственной реформе. Между ними сложились дружеские отношения, Хрущёв уважал Никиту Ростиславовича и доверял ему.

У Саши началась другая жизнь – уже не такая радостная: он столкнулся со строгим воспитанием. И отцова порка ремнём после полученной в школе двойки стала для него настоящим потрясением. И ни у кого он не находил поддержки – ни у матери, ни у братьев; лишь одна сестра Галя его жалела и заступалась за него. Так что поездки к бабушке и дедушке на все каникулы стали для него настоящим спасением. А в студенческие годы он стал ездить к ним ещё чаще.

Но его никогда ничем не обделяли. Когда мама покупала какую-то еду, всё делилось поровну между всеми. Отец никогда не попрекал маму и детей куском хлеба, не проявлял скупости. Да, он требовал послушания, но не потому, что он кормилец, а потому, что отец.

Теперь Саша читал источники и делал первые наброски к дипломной работе, посвящённой истории древнегреческого языка. Очень помогли ему в этом беседы с другом отца, историком античности Д. П. Каллистовым, подсказавшим, что следует выдвинуть на первый план в работе.

Историей Древнего мира Саша интересовался давно и теперь подумывал написать свой учебник, в котором он простым и ясным языком поведаёт о первобытной эпохе, о Египте, Междуречье, Греции, Риме и других государствах Древнего мира, расскажет о деятелях тех времён – библейских персонажах, египетских фараонах, древнегреческих и древнеримских правителях, полководцах и многих других. Ещё ему хотелось поехать в какую-нибудь археологическую экспедицию, чтобы самому соприкоснуться с историей.

– Я бы сейчас Грецию посетил... – сказал он как-то, когда они с дедом сидели в зале.

Дед отложил в сторону газету, поправил очки на носу, потербил длинные белые усы.

– Греция далеко... А зачем тебе туда?

– Там очень красиво. Наверное, я часами мог бы любоваться античными храмами, статуями, картинами... И мне почему-то кажется, что там необычно красивые закаты и рассветы.

– Природа везде хороша, – тихо сказал дед. – Уж сколько я ездил по свету, а всюду красотой её любовался. Да и не выедешь теперь туда – с документами долго возиться придётся...

– Ничего, если отца уговорить, он выправит мой загранпаспорт, – уверенно ответил Саша.

ГЛАВА 2. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Скоро ночь проходит лунная...

День счастливый вспыхнет вновь...

Озарила годы юные

Первая любовь!

(Л. В. Некрасова. «Первая любовь»)

Как-то Саша спросил бабушку про Лену – не видела ли она её. У Лены в той же деревне жила мать, и к ней она иногда приезжала.

– Нет, внучек, не видела... – покачала головой бабушка. – А ты бы сходил к ним, узнал – может, она тоже приехала... У неё ведь тоже каникулы должны быть...

– Да ну... Я стесняюсь, – пожал плечами Саша.

– Так ты никогда жену не найдёшь, – заметил дед. – Девки – они смелых любят.

Саша задумался... и стал надевать куртку. Выскочив из дома в предвечерних сумерках, он побежал к дому Лены. В одном из окошек её дома горел свет. Саша замедлился и подошёл к дому, чувствуя, что сердце вот-вот вырвется из груди. А в голове в это время проносилось столько мыслей, воспоминаний!

...Четыре года назад Саша переживал из-за того, что ле-

том надо будет проходить практику и из-за этого он не сможет надолго приехать к бабушке и дедушке. Но сестра Галя посоветовала ему отпроситься у учебной части и проходить практику в родном городе. Саша так и сделал. По совету бабушкиной знакомой, тёти Даши, которая недавно переехала из другой деревни, он устроился в редакцию газеты и там практиковался каждое лето.

Там он и познакомился с дочкой тёти Даши, Леной – светловолосой голубоглазой девушкой, и сразу же влюбился. Она была всё время занята какими-то другими делами, отпрашивалась у начальника и куда-то убегала. Саша видел, как ей трудно, и потому однажды предложил ей помогать по работе, и она приняла его помощь. Будучи юношей нерешительным, он поначалу не осмеливался пригласить её в кино или в театр, а когда пригласил, она отказалась, сказав, что занята.

Потом он каждый месяц отправлял ей из Москвы письма, и она отвечала, но не всегда. Во время следующих практик он так же ей помогал, и, бывало, она обещала сходить погулять вместе с ним, однако потом забывала про своё обещание. Но они оставались прекрасными друзьями, доверяли друг другу и советовались друг с другом. Прошлым летом ему стало казаться, что она начала относиться к нему теплее, чем прежде; до декабря они вели переписку, а потом стало не до писем – у обоих началась трудная сессия.

...Остановившись возле палисадника, он стал всматриваться в светившееся окно. Во дворе слышались шаги, по-

том скрипнула калитка и на улицу вышла какая-то женщина в красном платке, с накинутой на тулуп шалью, в валенках; она несла коромысло с вёдрами.

«Кто это? – подумал Саша. – Вроде и не тётя Даша – эта женщина выше ростом...»

Она посмотрела в его сторону, заметила его, и он засиял: это была сама Лена!

– Леночка... – ему казалось, что сейчас сердце выскочит из груди. – Здравствуй, Леночка...

– Саша... – удивилась она. – Здравствуй... Ты тоже на ка-никулы приехал?

Кивнув, Саша взял у неё коромысло с вёдрами и понёс его. Они шли к роднику, который находился в небольшом овраге.

– Как у тебя дела? – спросил он.

– У меня – замечательно, – улыбнулась она, оглядывая его. – Дома всё в порядке. По учёбе успеваю. А у тебя?

– У меня то же самое, – улыбнулся он. – Ты ещё больше похорошела!

– Спасибо...

Когда они пришли к роднику, он стал набирать воду в вёдра, рассказывая Лене о решении своего отца – чтобы он поступил в аспирантуру.

– Отец не хочет, чтобы меня посылали куда-то далеко по распределению, – вздохнул он. – Я раньше думал, что смогу приехать сюда по окончании вуза, а оказалось, что надо отработать три года.

– Не расстраивайся, – ответила Лена. – Значит, так надо. Меня, может, тоже отправят куда-нибудь по распределению. Но потом ты ведь сможешь приехать. Не переживай, у тебя всё получится.

Она коснулась рукой его локтя. Их взгляды встретились, и он как-то неосознанно стал приближаться к ней. Она же потянулась к нему, медленно закрывая глаза...

Но тут послышались крики, и Саша с Леной обернулись. Вдалеке появились три тёмные фигуры – два мужика тащили куда-то третьего.

– Ой... Это моего отца несут, – испугалась Лена. – Он ещё не вышел из запоя, его почти каждый вечер так приносят... Ладно, Саша, я пойду, как-нибудь потом встретимся...

– Я провожу тебя, – он водрузил на плечи коромысло. – Он вас гоняет?

– Нет... Просто его надо раздеть, уложить спать, – объяснила Лена. – И маму надо успокоить – она расстраивается, когда он пьяный приходит.

Саша задумался – всё это было для него непривычно. Его отец не пил спиртного, разве что одну стопку на праздник. У деда была тяга к спиртному, он даже гнал самогон, но бабушка находила его и выливала. К тому же теперь он сильно болел, и врачи тоже не разрешали ему выпивать.

Возле калитки Лена взяла у него коромысло, и они договорились встретиться как-нибудь потом и погулять.

Он шёл домой с небывалой лёгкостью и радостью на серд-

це. Во дворе он встретил деда, который ходил в загон кормить скотину и кур. Только Саша хотел рассказать деду о встрече с Леной, как тот улыбнулся и махнул рукой:

– Можешь не рассказывать, я всё по лицу вижу. Значит, всё-таки любит она тебя, Сашок... Я ведь тебе говорил – девки смелых любят...

– Деда, я так долго её добивался... Неужели это всё случилось наяву?.. – не мог поверить Саша.

Ему хотелось, чтобы все были так же счастливы, как и он.

ГЛАВА 3. АНФИСА

Через несколько дней после приезда Саши в Москву состоялась встреча его группы с научным руководителем Ириной Алексеевной. Саша недолюбливал преподавательницу; у них почти с самого начала сложились холодные, отстранённые отношения. Ему не нравились строгость, какая-то пафосность Ирины Алексеевны, не нравилось общаться с ней, поэтому на её семинарах он отмалчивался, а если его спрашивали, то отвечал коротко и сухо. Его удивляло, что у одноклассниц сложились хорошие отношения с ней, потому что ему всё в ней не нравилось – и то, что она, будучи в солидном возрасте, постоянно молодится, и то, что шутит как-то нелепо.

Встреча прошла быстро, во время перемены, на кафедре. – А где же Илья? – спросила Ирина Алексеевна.

Никто не знал, что ответить. Илья был вольной птицей, посещал занятия редко и давно уже был на грани отчисления.

– Передайте ему, пусть ищет другого научного руководителя, – жёстко сказала Ирина Алексеевна. – Я с ним церемониться не собираюсь. Так, давайте начнём обсуждение...

Девушки рассказали о своих работах, спросили, что было непонятно, получили рекомендации. И преподавательница обратилась к Саше:

– Александр, как у вас идёт работа?

– Введение и большую часть первой главы – о протогреческом и микенском языках – я написал, – сообщил он. – Законспектировал несколько источников к следующим главам.

– Вы нашли все источники, которые я рекомендовала?

– Нет, ещё два источника надо будет найти. Я посмотрю в Ленинской библиотеке – там должны быть.

– Не «должны», там они точно есть. Не затягивайте, пишите дальше. Жду от вас работу к одиннадцатому марта. И помните: у вас есть предзащита.

На этом встреча окончилась, и Саша с девушками отправились по домам.

Заходя в квартиру, Саша услышал голоса в зале и понял – пришли гости. И, пока разувался и снимал куртку, по голосу определил, кто пришёл – то был коллега отца Иван Иванович, а с ним, похоже, его жена и дочка, о которых отец рассказывал раньше.

– Саша, проходи, – показался в дверях отец; он провёл сына в зал и представил его жене и дочке Ивана Ивановича. – А это Анфиса, она учится в педагогическом университете, тоже изучает филологию. Так что вам будет о чём поговорить.

– Очень рад... – сдавленно проговорил Саша, пожимая девушке руку и оглядывая её. Отец усадил его с ней рядом.

Анфиса была с виду очень интеллигентной: тёмно-русые

волосы аккуратно заплетены в две косы, на носу – очки. Она не понравилась Саше – в ней была какая-то гордость, надменность, и это чувствовалось во всём – во взгляде, в движениях, в речи.

– Саша, ну что ты такой кислый сидишь? – заметил отец. – Рядом с тобой дама, поухаживай за ней, расскажи что-нибудь!

Но Саша сидел будто скованный – он стеснялся Анфисы, ему не хотелось с ней общаться – казалось, что он обязательно сморозит какую-нибудь глупость, а она будет смотреть на него как на идиота. Но ему пришлось побороть страх и спросить её:

– Что тебе налить – вино, шампанское?

– Нет, нет... Лимонада налейте лучше, – ответила она, будто подчёркивая, что не пьёт. – Немного...

Саша налил лимонад ей и себе и сказал:

– Я тоже на первых порах хотел поступать в педагогический – целый год на курсы ходил, готовился, а потом отец сказал, что я и в МГУ поступить смогу, и настоял, чтобы я туда поступил...

Анфиса как-то неодобрительно кивнула, и он понял, что сказал лишнее – зачем было хвалиться?

– Я хотел сказать, что там мне тоже очень нравилось, – стал оправдываться он, – в педагогическом было интересно... Ты учишься в замечательном вузе. Правда ведь, там интересно?

– Да, мне тоже там нравится, – сказала Анфиса, в первый раз внимательно посмотрев на него и опустив глаза. – Нагрузка довольно большая, но многие задания требуют творческого подхода, поэтому я легко с ними справляюсь...

Так они постепенно разговорились и сначала беседовали об учёбе, а потом как-то постепенно в разговоре переместились в Древнюю Грецию – стали говорить об античных ораторах. И Анфиса будто проверяла его знания: «Помните, как Демосфен исправлял свою речь?», «Вам ведь известно, в чём Цицерон обвинял Катилину?» – и при этом внимательно смотрела на него. И он уже стал немного уставать от беседы, когда родители Анфисы засобирались домой.

– Фиса ложится спать рано, да и мы допоздна не засиживаемся, – сказал Иван Иванович. – Ты, Никита, надолго в командировку едешь?

– На две недели, – ответил Никита Ростиславович.

– Когда вернёшься – милости просим всех к нам, – пригласил Иван Иванович.

В коридоре отец указал Саше на вешалку, и тот подал пальто Анфисе, помог надеть его. И хозяйева сердечно распрощались с гостями.

Когда Саша ложился спать, к нему в комнату зашёл отец.

– Ну, как тебе Анфиса? Прекрасная девушка, правда? – спросил он, довольный сегодняшним ужином.

– Ну... Да, конечно, – пожал плечами Саша.

– Она что, тебе не понравилась? – насторожился отец.

– Мне как-то неуютно было с ней общаться, – попытался объяснить Саша. – Так всё вроде хорошо, и беседа клеится, но я постоянно в каком-то напряжении... Она вся такая правильная, манерная, с ней запросто, как со своим человеком, не поговоришь...

– Саша, да она золото, а не девушка! – попытался переубедить сына Никита Ростиславович. – Умная, воспитанная, трудолюбивая, готовит прекрасно, рукодельница искусная!

– Папа, ты хочешь свести меня с ней? – догадался Саша. – Зачем? Я ведь всё равно через три года уеду!

– Куда уедешь? К этой своей вертихвостке?

Саша понял, о ком говорит отец.

– Не называй так Лену. Она замечательная, мне с ней очень хорошо! А вообще... дело разве в том, что я уеду? Просто Анфиса мне не нравится – ни как девушка, ни вообще как человек.

– Но ты ещё мало с ней общался, – возразил отец. – Если бы вы какое-то время повстречались друг с другом, то ты бы так не говорил. Главное между мужчиной и женщиной – это дружба и уважение.

– Но ведь тебе понравилась моя мама, когда ты её встретил?

– Да, у меня была и есть симпатия к ней, но такого, чтобы сердце ёкало в груди, не было...

– Вот видишь, у тебя есть симпатия к маме, а у меня нет

симпатии к Анфисе. Она мне совершенно безразлична.

Никита Ростиславович тяжело вздохнул.

– Ладно... Оставим пока этот разговор, – и, пожелав сыну спокойной ночи, он ушёл.

ГЛАВА 4. ВАЛЕНТИНА ТЕРЕШКОВА

Пока отец был в командировке, Саша целыми днями занимался дипломной работой, подолгу просиживая в библиотеке. Там он читал рекомендованные пособия, выписывал нужное. Работу он писал сначала в черновике, там можно было зачёркивать и вставлять слова, целые фразы и даже абзацы. А когда Саша стал переписывать всё в беловик, то приложил огромные усилия, чтобы не допустить ни помарки, ни кляксы. Первую главу он успел закончить до приезда отца.

Странным было поведение отца в день его возвращения. Он был весел, напевал что-то, когда они утром вдвоём готовили завтрак на кухне. «Что это с ним? – думал Саша. – Никогда не видел его таким весёлым... Он ведь почти никогда и не улыбался – а тут даже песни поёт...»

– Вот и весна наступила, – сказал Никита Ростиславович, глядя в окно. – Смотри, ручейки уже бегут, снег становится прозрачным. И не успеешь оглянуться, как природа зазеленеет, птицы запоют...

– Ты прямо поэт, – удивился Саша. – Никогда от тебя не слышал таких красивых речей.

– Просто душа радуется весне, – улыбнулся отец.

Они стали завтракать, пить чай.

– Сегодня у Валентины Владимировны день рождения, –

сообщил Никита Ростиславович. – Надо не забыть её поздравить.

– У Валентины Владимировны? – переспросил Саша. – Погоди... У Терешковой?

– Ну да, – обрадовался отец. – Надо бы её красиво так поздравить. Придумай какое-нибудь поздравление, ты же филолог.

– Так вот почему ты такой весёлый! – догадался Саша. – Никак глаз положил?

– Да, есть такое дело, – признался отец. – Но ведь в том, что я просто влюблён, нет ничего страшного. Это радует – и то, что мы знакомы, и то, что видимся и общаемся в Кремле, и то, что вообще дружим – поздравляем друг друга с праздниками, узнаём, как дела друг у друга.

– Ты меня прямо ошарашил, – вздохнул Саша. – Не представляю, чтобы я когда-нибудь влюбился в женщину, которая младше меня на тридцать пять лет...

– Такое может быть, – ответил Никита Ростиславович. – Ты ещё только начинаешь жить. Главное, не предавай из-за этого семью. Ну, давай, сочини поздравление, а потом напишем его на открытке.

«Дорогая Валентина Владимировна! – писал Саша в тетради. – Наша семья сердечно поздравляет Вас с днём рождения. Желаем Вам космического здоровья, бесконечного, как космос, счастья и дальнейших космических успехов! Пусть

Вам покорятся новые звёздные высоты!

Семья Конюшевых. 6 марта 1964 г.»

Написав поздравление, Саша протянул тетрадь отцу, и тот прочитал.

– Сашок, да ты просто талант! – пришёл в восторг Никита Ростиславович. – Очень красиво и оригинально.

Тем же утром они отправились в магазин за открытками к 8 марта. Купили открытки маме, сестре Галине, жёнам братьев, племяннице, тёте Ане – сестре Никиты Ростиславовича, Валентине. Бабушке и Лене Саша отправил открытки ещё в конце февраля, и теперь они должны были дойти.

Дома мама приготовила вкусный рассольник, и Саша с отцом, вернувшись, тут же сели за стол, стали обедать. Отец рассказывал о командировке. Потом он отправился в ванную, там побрился, надел новый костюм, полил одеколоном, а Саша тем временем переписал поздравление на открытку и отдал ему.

– Я на работу. Буду вечером, – сказал отец и ушёл.

Саша вернулся в свою комнату. Одна створка в двойном окне была приоткрыта, и он захлопнул её, но порвал при этом занавеску, попавшую в проём. И испугался: что же теперь делать? Сказать маме он боялся: она начнёт ругать его, свернёт несколько крепких словечек, а когда придёт отец,

начнёт стыдить сына при нём. Саша вздохнул, отодвинул занавески, чтобы не было видно, что они порваны.

Потом прилёт на кровать и в каком-то полусне стал вспоминать прошлое лето. Сессия тогда была трудной, но он прилежно работал в течение семестра, и кое-какие знания остались, теперь нужно было освежить их в памяти. Два экзамена он сдал на пять, один – на четыре. Оставался последний экзамен – по зарубежной литературе.

Саша был в то время один дома – родители уехали погостить к маминой сестре в Сибирь, а Валерка отдыхал в подмосковном пансионате. Нелегко было готовиться к экзамену: оставалось прочесть ещё десяток произведений и около двухсот страниц в учебнике. Целые дни Саша читал, зубрил материал, делал записи в тетрадь, стараясь запомнить сюжеты романов и повестей, имена и характеристики героев. Последнюю ночь перед экзаменом он спал мало, вскочил чуть свет и стал по тетради повторять материал. Перед экзаменом, как всегда, сильно волновался и боялся, что его отправят на пересдачу. И, чтобы не мучить себя, пошёл сдавать одним из первых. Ответы на оба вопроса в билете он знал, но сомневался в своих знаниях: когда учишь материал дома, то кажется, что всё понятно, а на экзамене обязательно что-нибудь да забудешь. Преподавательница выслушала его ответ и отправила на место – додумать и ответить более полно. Саша испугался, что ему придётся теперь сдавать экзамен в сентябре, но, как оказалось, ему хотели поставить пятёр-

ку. И, когда он ответил ещё раз, в его зачётке вывели «отл.», и он вздохнул с облегчением.

После экзамена Саша сдал учебники в библиотеку. По дороге домой он зашёл в магазин и купил две бутылки пива, решив отметить окончание сессии. Дома выпил бутылку, его потянуло в сон, и он проспал до позднего вечера. А проснувшись, стал варить картошку. И за ужином выпил вторую бутылку пива.

На другой день он отправился в книжный магазин, чтобы купить какую-нибудь книгу в дорогу – он уезжал к бабушке и дедушке. И от прохожих на улице узнал о полёте в космос первой женщины – Валентины Терешковой.

ГЛАВА 5. У ИВАНА ИВАНОВИЧА

Иван Иванович, как и обещал, пригласил семью Никиты Ростиславовича к себе на ужин. В тот день после обеда Саша с родителями и братом стали потихоньку собираться в гости. Отец учил Сашу завязывать галстук:

– Берёшь, вот так обматываешь, делаешь узелок... вытягиваешь...

– Научи его ещё шнурки завязывать, – сказала мама. – Парню двадцать два года, а он шнурки завязывать не умеет...

Когда мама с Валеркой вышли в коридор, Никита Ростиславович достал из кошелька несколько купюр, протянул Саше:

– Завтра восьмое марта, купи цветы и какой-нибудь подарок маме и Анфисе. Пригласи Анфису в кино или в театр – и ты немного отвлечёшься, отдохнёшь, и ей приятно будет.

– Папа, я же тебе говорил, что не хочу с ней встречаться, – ответил Саша. – Можно я просто её поздравлю и никуда с ней не пойду? – и он отодвинул руку отца с деньгами.

– Ладно, дело твоё, – вздохнул тот. – Я же тебя не заставляю жениться на ней – вы просто по-дружески сходите куда-нибудь. Ты и так всё время один.

– По-дружески? Хорошо, – кивнул Саша. – Тогда я разобью свою копилку и достану деньги только для себя. Дружья ведь не платят друг за друга в кино.

– Какой ты жадный... – упрекнул его отец. – В кого ты такой? Если ты приглашаешь человека куда-нибудь, то расходы – на тебе, запомни.

– Я не жадный, я бережливый, – возразил Саша. – Просто нет смысла тратиться на девушку, если она для тебя не родной человек и если у вас нет будущего.

– Кто знает, а может, у вас что-нибудь получится, – пожал плечами отец. – Странный ты, Сашка. Сколько парней мечтают о такой девушке, а ты её в упор не видишь.

– Ладно, я подумаю, – сдался Саша. – Ещё целый вечер впереди.

Зайдя в свою комнату, он после недолгих раздумий разбил копилку.

На застолье собралось много народу. Здесь было всё семейство Ивана Ивановича: жена, два сына, две дочери, свояченица с племянником. Хозяин встретил гостей в коридоре, помог им раздеться, развесил их одежду на вешалке и проводил в зал, где стал знакомить их со своей роднёй. И все стали садиться за длинный стол, составленный из двух столов.

Всё было хорошо, душевно, Иван Иванович шутил, веселил всех, и у всех было прекрасное настроение. Но Саше почему-то не нравилась семья Анфисы – то ли потому, что все какие-то честолюбивые, то ли потому, что ему не нравилась сама Анфиса. Одна только её мама казалась ему простым, скромным человеком.

Его опять посадили рядом с Анфисой, и отец знаками велел поухаживать за ней. Саша поглядывал на Анфису и думал: «Зачем всё это отцу надо? Вроде умный человек, а простой истины не понимает... Ну, ни капли она мне не симпатична. Если бы хоть чуть-чуть нравилась...» Даже её нечастая улыбка ему не нравилась.

Слушая, как Иван Иванович рассказывает о своей карьере, о достижениях, Саша думал: «И для него это удобно, в порядке вещей – вот так хвалиться перед всеми». Он слышал от Ивана Ивановича уже много таких панегириков самому себе – вроде бы тот рассказывает о каких-то событиях, в которых он участвовал, но слышится: «Вот какой я молодец! Вот какой я умный! Какой добрый!» И всё в таком духе. И в газетных статьях журналисты его хвалят – вот, мол, какой образцовый политработник и семьянин!

Мама Анфисы подала к столу пирожки с картошкой, капустой и мясом, и они были настолько вкусными, что Саша съел сразу три штуки. Ему стало неудобно, но мама Анфисы сказала:

– Ешь, ешь, я ещё принесу, там в печи ещё готовятся пирожки.

Саше стало легче, и он разговорился с Анфисой, рассказал ей о своей дипломной работе. Потом спросил:

– А что ты будешь завтра делать? Наверное, с родителями пойдёшь куда-нибудь?

– Нет. Они одни пойдут на какую-то выставку.

– Тогда, наверное, с подружками куда-нибудь пойдёшь?

– Нет. Они все со своими кавалерами гулять пойдут.

Сказав это, Анфиса вздохнула, и Саша понял, что придётся приглашать её в кино. Он-то надеялся, что она не сможет никуда пойти, и таким образом можно будет оправдаться перед отцом. Ему было жалко отца, который ему ни в чём не отказывал, и хотелось на этот раз послушаться его. «Но ведь один поход в кино ни к чему не обязывает, – подумал он. – Хотя, может, она откажет мне сейчас... Надеюсь на это».

– Может, тогда завтра вечером в кино сходим? – спросил он.

Анфиса внимательно посмотрела на него, лицо её прояснилось, глаза засияли от радости, но ему неприятен был её влюблённый взгляд.

– Пойдём, – ответила она.

ГЛАВА 6. ВОСЬМОЕ МАРТА

По дороге домой Саша зашёл в магазин и купил маме и Анфисе конфеты, а после взял на рынке два букета роз. Подарки и букеты спрятал в шкаф до завтрашнего дня. И стал сочинять поздравление маме.

«Дорогая мамочка! Поздравляю тебя с 8 марта!

*Спасибо тебе за ласковое слово, за заботу, за поддержку!
За всё спасибо. Желаю тебе крепкого здоровья, долгих
и счастливых лет жизни и светлого, как солнце, настрое-*
ния!

Твой любящий сын Саша».

И, когда они с отцом и Валеркой на следующее утро поздравили маму и Саша вручил ей открытку, она ничего не сказала, только прижала сыновей к себе и поцеловала каждого в макушку. Такие минуты были особенно радостными и приятными для каждого.

В обед родители ушли на прогулку, Валерка отправился на свидание с какой-то девушкой, а Саша остался дома. Вечера они с Анфисой договорились встретиться в пять часов вечера возле кинотеатра «Комсомолец» и пойти на фильм

«Тишина». Он сидел в своей комнате, поглядывал на часы, и на сердце было нехорошо оттого, что он обманывал себя и Анфису, и его утешало лишь то, что он проведёт этот праздничный вечер не один.

Они встретились, он подарил ей цветы и коробку конфет. В кинотеатре купили мороженое, Саша взял билеты, и они с Анфисой поспешили в зал. Фильм, который они смотрели, был снят по одноимённому роману Юрия Бондарева, который Саша прочитал в прошлом году. Эту книгу ему порекомендовали в университете, и он нашёл её в книжном магазине и прочитал на одном дыхании. И теперь он был полностью поглощён действием фильма; один-единственный раз он отвлёкся, когда Анфиса достала из сумки конфеты и стала его угощать. А потом, когда они шли из кино, Саша сказал:

– В этом романе, в фильме чувствуется жизненная правда. Хотя я то время, послевоенное, плохо помню, маленьким ещё был, но отец много рассказывал. В сорок пятом, когда война закончилась, он чувствовал, что жизнь начинается заново, да так оно и было! Пройти всю войну и остаться живым – это ведь чудо, это словно вторая жизнь в подарок. Когда папа возвращался домой из Германии, он где-то в Белоруссии подобрал бездомного котёнка – тот тёрся об его ноги, есть просил, и отец разделил с ним паёк, а потом сунул его за пазуху и повёз в Москву. Назвал Абрикосом – потому что нашёл под абрикосовым деревом. Папа оставил его своей маме – сначала он навестил её, а потом поехал к нам.

Когда он приехал, мы с Валеркой бросились к нему, повисли на его брюках, хотя и не знали ведь его – я совсем не видел его до этого, а Валерка просто не помнил, ему полгода было, когда отец ушёл на фронт.

– Да, это радостно, когда всё так хорошо заканчивается, – ответила Анфиса. – А Абрикос... он сейчас жив?

– Нет, он четыре года назад умер – отравился чем-то, – вздохнул Саша. – Когда мы переехали в Москву, он был уже взрослым. Это был папин любимец. Солидный такой был кот. Другие коты по улицам бегают – а этот на диване целыми днями лежал.

Они с Анфисой дошли до трамвайной остановки и стали прощаться. Саша ничего не говорил про следующую встречу, ему не хотелось обещать что-то, давать девушке надежду.

Он уже понял, как действовать дальше. Отец накануне сказал, что снова поедет по работе в Ленинград, и, значит, никто не будет подталкивать Сашу к встречам с Анфисой. А когда он вернётся, Саша скажет, что занят – пишет дипломную работу и готовится к итоговым экзаменам. А уж потом он сможет уехать к бабушке и дедушке.

ГЛАВА 7. БЕГСТВО

Введение и первую главу дипломной работы Саша принёс в назначенный день. Но Ирины Алексеевны не оказалось на факультете, и он оставил рукопись на кафедре.

С лёгким сердцем возвратился он домой. Мама прибиралась в его комнате. Отец собирал чемоданы в дорогу – он должен был уехать на вечернем поезде в Ленинград.

– Саша, подойди-ка сюда, – услышал он строгий голос матери.

У него всё похолодело внутри, когда он увидел, что мама держит в руках порванную занавеску.

– Мама, это случайно получилось... Я закрывал створку и случайно порвал... – стал оправдываться он. – Извини, пожалуйста...

– Мы с отцом ради тебя стараемся, обеспечиваем тебя, покупаем тебе всё нужное, а ты ничего не бережёшь! – повысила голос мама. – Всё ломаешь, рвёшь! Ты ещё мало работал и не знаешь настоящую цену деньгам, не знаешь, какого труда всё это стоит!

Саша вспомнил, что бабушка велела ему молчать, не перечить матери, когда она ругает его, и он только вздыхал, слушая её.

На её крик пришёл отец, и мать показала ему занавеску: – Вот, посмотри, посмотри, что он сделал! Такие хорошие

занавески ему в комнату купили, а он взял и порвал! Просто вандал какой-то!

Тут у Саши внутри что-то не выдержало – может, до этого он долго терпел, а может, просто теперь молчать было нельзя.

– Мама, почему я у тебя всегда самый левый? – сказал он. – Почему ты на мне вымещаешь злость? С чужими людьми ты вежлива, моих братьев не обижаешь, хотя эти великовозрастные мальчишки до сих пор смотрят вам с отцом в карман! А тут я по неосторожности что-то сломал, и ты меня сгнобить готова!

Сказав это, он с силой пнул стул, и мать в гневе набросилась на него и стала бить. Отец оттащил её от сына и увёл в другую комнату. Саша бросился на кровать, уткнулся лицом в подушку и заплакал. Как же, чёрт возьми, отвратительно ругаться с близким человеком!..

Немного успокоившись, Саша попытался привстать, но не смог: в груди стало так больно, что он даже не мог первое время ни пошевелиться, ни вздохнуть. У него уже было такое. Когда-то врачи обнаружили у него учащённый пульс, его направили к кардиологу, но тот не обнаружил проблем с сердцем. Но было давно; с тех пор многое могло поменяться.

Постепенно всё прошло, и он даже не стал раздумывать, что ему делать. Сейчас лучше временно уехать к бабушке и дедушке. Саше даже захотелось забросить дипломную ра-

боту и не закончить университет. Но он понимал, что у него не хватит на это смелости, поэтому лучше недели две пожить в деревне и вернуться.

Собирая чемодан, он наметил план действий. Сейчас он поедет на вокзал за билетом, а потом отправится к бабе Ане – сестре отца, поживёт у неё до отъезда. Он называл её «бабой Аней», потому что ей было далеко за семьдесят, она была намного старше Никиты Ростиславовича. Баба Аня жила одна в старой квартире и была рада гостям.

Саша взял сбережённые деньги, положил их в карман, с чемоданом вышел в прихожую, потихоньку обулся, взял куртку с вешалки и вышел из квартиры.

ГЛАВА 8. У БАБЫ АНИ

Баба Аня жила на «Маяковской», неподалёку от квартиры писателя Булгакова. Одногруппник Илья рассказывал Саше о той квартире. В ней происходило действие романа «Мастер и Маргарита», который пока ещё не был опубликован, но Илья знал, о чём там говорится. В этой квартире жил сам дьявол со своей свитой, в ней проходил бал сатаны, случались разные мистические истории. Об этом романе говорили теперь многие литераторы, читатели, и Илья узнал о его содержании от филолога Вулиса, читавшего рукопись.

Коридор, тускло освещаемый лампочкой, был забит вещами. Здесь были корыта, сундуки, детская кроватка, велосипед и многое другое. Пробравшись через эти нагромождения, Саша позвонил в дверь. Послышались тихие шаги, баба Аня открыла дверь.

– Заходи, Сашок, заходи...

Она, судя по всему, ещё не спала. Саша прошёл в квартиру, разулся.

– Можно я у тебя два-три дня поживу? – попросился он.

– Конечно, можно, – ответила баба Аня. – Проходи.

В квартире всё было старинное – и диваны, и стулья, и комод, и посуда. Баба Аня вышивала что-то – на столике лежали клубки ниток, шкатулка с иголками и материя с узорами. Они сели в кресла, и баба Аня спросила:

– Ты кушать хочешь? Что-то ты какой-то бледный...

– Нет, нет, спасибо, – ответил Саша. – Я просто устал.

– Ты опять поругался с родителями... – догадалась баба Аня. – Когда вы уже станете жить мирно...

– Мне надо какое-то время пожить у бабушки с дедушкой – так будет лучше. Билет я уже купил, на четырнадцатое число.

– Может, ты у меня поживёшь? Успокоишься, всё обдумаешь и вернёшься домой, помиришься. Вы обязательно помиритесь, вы же родные люди, и я за тебя словечко замолвлю, если надо будет.

– Спасибо, баба Аня, ты очень добрая. Но мне бабушку хочется увидеть, просто обнять её, прижаться к ней. Я ей ничего рассказывать не буду, просто скажу, что соскучился – так ведь оно и есть.

– Это тебе решать, конечно, – вздохнула баба Аня. – Поступай как считаешь нужным. Но на родителей не сердись – они тебе зря никогда ничего не скажут, они тебя сильно любят. Просто они из тебя настоящего человека хотят вырастить.

Она взяла клубок, стала разматывать его, потом протянула Саше иголку и нитку:

– Вздень-ка, а то я уже не вижу. Намучалась с этими нитками...

Саша легко просунул нитку в игольное ушко и протянул бабе Ане.

– Пусть там и отец поворчит, и мама замечание сделает – ты не обижайся на это. Они всё правильно говорят. Я твоего отца давно знаю. У нас ведь такая же семья была, как у вас – сестра, то есть я, и четыре младших брата. Я помогала маме за ними ухаживать, воспитывать их. Никита вообще всегда был лучшим из них. Те трое – себе на уме, а он честный, отзывчивый, трудолюбивый. Его и наши родители больше всех детей любили. Он и гимназию с отличием закончил, и в университете выучился, и работать начал рано. Всем помогал – и матери после смерти отца, и братьям. Старший из братьев, Пашка, сварливый да жадный, помню, он хотел тягаться со мной из-за маминого жилья, думал, мама мне всё оставит. Но мама Никите всё оставила, и правильно. А Пашка – просто небокоптител. За копейку удавиться готов. Сейчас ещё живой, в Подмоскowie где-то живёт, правда, плохенький уже, еле-еле держится. Самый младший – Севка – выпить любил, поэтому у него ни в работе, ни в семье не было лада. Он на войне погиб. Царствие ему небесное, и Косте тоже. Костя хороший был, но за языком не следил. Его за какое-то выступление или анекдот забрали и расстреляли в тридцать восьмом году.

– Отец хороший, не буду спорить, просто он хочет, чтобы мы все жили по его правилам, слушались его, и не даёт нам сделать свой выбор, – Саша вспомнил случаи с аспирантурой, с Анфисой. – И его не переспоришь.

Настроение у Саши стало лучше, он приободрился. Они

с бабой Аней стали пить чай, она рассказала, как идут дела у её семьи. Её сын и невестка с детьми жили на юге Москвы. У бабы Ани было два сына, но старший погиб на войне.

– Сноха завила кудрявые волосы, говорит, мол, как у космонавтки, сейчас многие женщины такие причёски делают.

– Кстати, отец просто с ума сходит по Терешковой, – сказал Саша. – Всё время про неё говорит.

– Да он, наверное, просто шутит, – махнула рукой баба Аня. – Эх, старый волокита...

Тут в дверь позвонили, и Саша пошёл открывать.

– Кто там? – спросил он.

– Кто, кто... Дед Пихто! – раздался знакомый голос. – Я так и знал, что ты сюда побежишь. Открывай!

Саша вздрогнул, отпер дверь. На пороге стоял Никита Ростиславович.

ГЛАВА 9. ПРОЩЕНИЕ

В коридор вышла баба Аня.

– Так... Никита, если ты пришёл ругать Сашу, то ступай обратно, – сказала она. – Вы с Ларисой довели мальчика, он уже не может жить с вами! Сколько ему ещё терпеть вашу грубость?

– Я не собираюсь его ругать, – ответил Никита Ростиславович. – Саша, собирайся, поедешь со мной в Ленинград. В дороге поговорим.

– Я никуда с тобой не поеду.

– Саша, не веди себя как ребёнок, – вздохнул отец. – Одевайся – и поедем. Я долго говорить не буду, скажу лишь, в чём ты не прав, а дальше сам решай, что тебе делать.

– Я уже купил билет к бабушке.

– Мы его сдадим, возьмём билет в Ленинград, – решил отец. – К бабушке ты успеешь съездить, вот закончатся все дела в университете – и езжай, никто тебя держать не будет.

Он снял с вешалки куртку Саши, подал её сыну, взял его сумку, оставленную в прихожей. И Саша стал одеваться. Когда родители собирались вместе, они могли поругать его за что-то, могли даже довольно долго его песочить, но когда он оставался с кем-то из них наедине, то всё было мирно, особенно с отцом. Поэтому он знал, что даже если отец будет ругать его, то без злости.

– Всё будет хорошо, – успокоил он бабу Аню и обнял её на прощание.

На вокзале отец смог всё устроить, и Саша поехал вместе с ним. В купе они не спеша разделись, заварили чай, и Никита Ростиславович не стал оттягивать разговор.

– Ты неправильно поступил с матерью, – сказал он. – Она любит тебя, заботится о тебе, беспокоится за тебя, а ты говоришь, что она тебя сгнобить готова. Ей было очень обидно это слышать.

– Но ведь так и есть, – возразил Саша. – Из-за каких-то занавесок она устроила такой скандал! Да куплю я новые, куплю!

– Дело не в занавесках, я сам куплю новые, – не согласился отец. – Дело в твоей злости. Из-за неё ты ломаешь, портишь всё, что тебе покупают, из-за неё ты и враждуешь с матерью.

– Занавески я порвал по неосторожности.

– Ладно, пусть так. Неважно. Просто это твоя мать, она родила тебя, воспитала, она каждую минуту беспокоится за тебя, она последнее тебе отдаст... Это твоя мать, и этим всё сказано. Знаешь, как она волновалась, плакала, когда ты болел в детстве? Знаешь, как она радуется твоим успехам? И к кому ты идёшь, если тебе нужна помощь, поддержка, если тебе страшно? В первую очередь к матери. Поэтому не обижай её, никогда не говори ей злых слов, а люби и понимай её. Пусть она кричит – ты молчи и слушай. Потом

скажи: «Прости, мама» – и всё. Неужели это так трудно?

– С мамой довольно трудно не пререкаться, для этого нужно огромное терпение, – заметил Саша.

– Да, характер у неё всегда был трудным, – согласился Никита Ростиславович. – Даже тогда, когда я женился на ней. Но по сравнению с моей матерью она всегда была золотом. У меня мать суровой была, всё время командовала нами, детьми, ругала нас, запросто могла выпороть. И всё-таки я как-то её терпел. А когда она умерла, то мне жалко её было, я плакал, жалел, что ещё добрее к ней не относился... А твоя мама по характеру куда лучше. Но всё-таки все люди разные, ты должен это понимать. Первое время мы жили очень мирно, потом уже твоя мама стала на меня покрикивать. Я сначала тоже кричал на неё, а потом перестал. Когда молчишь – и на душе спокойнее. У некоторых моих однополчан вообще были такие жёны, что они от них на фронте отдыхали.

Никита Ростиславович засмеялся, и Саша тоже.

– Просто надо как-то отвлекаться от этого, находить то, что тебя радует. Или просто отгораживаться от скандалов. Я допоздна задерживаюсь на работе, говорю дома, что дел было много, а сам сижу в кабинете, читаю какую-нибудь книгу, домой не спешу, чтобы снова не поругаться с твоей мамой. А когда поздно приезжаю, то у неё уже ни времени, ни желания нет ругаться. Теперь же вот влюбился, и это здорово мне помогает.

Глаза отца засияли от радости.

– Валентине очень понравилось поздравление. Конечно, она поняла, что его не я сочинил – у меня такого таланта нет, как у тебя... Знаешь, как мне было радостно, приятно, когда я пожимал ей руку! А знаешь, какая у неё красивая, чудесная улыбка!

– Ну ты и втрескался! – с завистью ответил Саша, раскладывая матрац на полке.

Они опять посмеялись с отцом и стали укладываться спать.

– Так что ты помирись с матерью, – сказал отец. – И не обижайся больше на неё. Она тебе только добра хочет.

Вскоре он заснул, а Саша долго ещё лежал и смотрел в темноту.

Как только они прибыли на следующее утро в гостиницу, Саша позвонил матери, сообщил, что они с отцом в Ленинграде, и сказал:

– Мама, прости меня за вчерашнее. Я очень обидел тебя. Но я сгоряча сказал это, не подумав, я был не прав. Извини. Такого больше не повторится. Я тебя очень люблю.

– Всё в порядке, – прозвучал в трубке мамин голос. – Давай простим друг друга и забудем про этот случай. Я тоже тебя люблю, сынок.

И, когда Саша положил трубку, отец просто молча обнял его.

ГЛАВА 10. ПИСЬМО БАБУШКЕ

Несмотря на то, что Саша помирился с матерью, он всё равно ходил как в воду опущенный, переживал о чём-то.

– Ты не заболел? – спрашивал Никита Ростиславович и трогал его лоб. Но Саша не был болен.

Однажды, когда отец ушёл по делам, он достал из чемодана бумагу, ручку и стал писать письмо бабушке.

«Здравствуй, моя дорогая бабушка!

Я очень сильно соскучился. Как вы с дедом поживаете? Как ваше здоровье? Передай деду огромный привет.

У меня всё нормально. Мы с отцом приехали в Ленинград по делам. Ты же знаешь, как я люблю этот город! Здесь какая-то особая, близкая моей душе романтика.

Мне каждую ночь снится наша деревня. Во сне случаются какие-то события, я разговариваю с кем-то, а проснувшись, забываю, что и когда, помню только, что это было в нашей деревне. Знаешь, вроде я живу у себя дома, с родными людьми, но всё равно чувствую, что я в гостях, а не дома. Это у вас с бабушкой я дома, там всё родное. И вроде я должен привыкнуть ко всему, потому что живу в городе почти всю жизнь, но как-то не привыкается.

Я много думал, почему всё так, и понял, что там отношения другие, ценности общества совсем другие. Для меня

всегда важно было понимание, настоящая доброта, и никакие материальные блага не могут мне это заменить. Но мне этого недостаёт, поэтому я и рвусь к вам с дедом. Моя семья – обычная, хорошая семья, однако в ней нет настоящей добросердечности, взаимопонимания. Посуди сама.

МАМА. Это главнокомандующий в семье. Она противопоставила себя нам, детям, таким образом, что многое происходит с её разрешения. Она контролирует нас – детей, внуков – и знает всю нашу подноготную. Мама – хороший человек, не жадный, не вредный. Но с ней не получается поговорить по душам. По крайней мере, у меня. Бывает, хочется пошутить или сказать ей что-нибудь хорошее – она опережает тебя: «Отойди, телевизор загораживаешь». Или: «Отойди, я товар не вижу» (в магазине). И как тут с ней поговоришь? Сделаешь замечание – она и голос может повысить. Или, когда я хочу к ней обратиться, то ей непременно должен сказать что-то мой брат Валерка, и она выслушает сначала этого дураля, а потом уж меня. Он ведь её любимчик! С ней можно посоветоваться или обратиться к ней за помощью, но нельзя поговорить по душам. Может, здесь я виноват? Если виноват, то в чём?

ПАПА. Считает себя верховным главнокомандующим, но не является таковым. Потому что сорок лет назад эженился. Но он всё равно твёрдо уверен, что прав во всём и всегда, поэтому может читать и своим детям с внуками, и подчинённым, и друзьям лекции и нотации. И его не пере-

споришь – если он что-то сказал, то так оно и есть и обжалованию не подлежит. Если ты будешь против – тебе же хуже. Он знает, как манипулировать детьми и внуками, знает, кому что нужно дать, чтобы его слушались, словно дрессированные собачки. Знаешь, что его всегда злило? Что он не может управлять мною. Фёдор, например, в свои 36 лет без него шагу ступить не может, всё время приходит советоваться, как поступить. 32-летний Николай всё ещё посиживает на отцовской шее и каждый месяц звонит с просьбой дать денег. Валерик – тот вообще подхалим, он всегда подмазывался к родителям, он уж точно никуда от отца не денется. Галя слишком совестливая, она не может поругаться с родителями и порвать с ними связь. Поэтому отец и держит их под своим контролем. Но меня ни деньгами, ни влиянием не купишь – я вольная птица. Отец знает, что я могу сбежать, как делал уже несколько раз, но он теперь не сможет меня удержать – всё-таки я уже не ребёнок. Правда, он пытается «прикрепить» меня к себе с помощью одной девушки, Анфисы, да только у него ничего не выйдет – я её не люблю.

Но всё-таки он хороший, просто у него жизнь всегда была трудной. Он много работал, многих содержал, многим помогал. И при этом ему доставалось и от его мамы, и от моей. А потом ещё и война... Сколько он натерпелся! И за то, что он сейчас влюбился в молодую девушку, я его не осуждаю – у него появилась хоть какая-то радость в жизни.

БРАТЪЯ. Про них я уже всё сказал. Это три приспособленца.

СЕСТРА. С ней я всегда дружил, и сейчас, когда мы видимся, то не можем наговориться. С её отъездом в другую квартиру я стал по-настоящему одиноким.

Сама видишь, как всё обстоит. О каком понимании здесь можно говорить?

Когда мы ехали сюда в поезде, я полночи проворочался и не выспался. А потом, когда мы были уже в гостинице и я прилёг вздремнуть, то привиделось, будто я где-то на квартире – с Анфисой и нашими детьми, которые орут и не дают мне спать. И знаешь, что я решил, когда проснулся? Что не женюсь. Вот так и буду жить один. Я не такой сильный, как мой отец, мне и маминых скандалов хватило. Какое же это счастье – прийти домой после трудной работы, а там тихо, спокойно, никто не кричит, не мешает, и ты можешь уже сразу лечь спать или спокойно посмотреть телевизор!.. Правда, мне придётся научиться многим хозяйственным вещам.

А с Леной мы останемся хорошими друзьями. Как она там поживает? Если встретишь, передавай пламенный привет.

Бабушка, ещё всего два месяца – и я приеду. Буду с нетерпением ждать того дня, когда прикачу к вам на поезде!

До встречи! Всего вам с бабушкой самого-самого хорошего! Я вас очень люблю!

Ваш внук Саша».

Написав письмо, он положил его в конверт, который после запечатал, подписал и понёс на почту. На улице стало теплее, выглянуло солнце, и настроение у Саши улучшилось. И он решил прогуляться и зайти к другу Вальке, у которого он раньше останавливался, и неплохо было бы встретиться с ним теперь; они созванивались почти каждую неделю, и Валька давно звал его к себе в гости.

ГЛАВА 11. ЧУДЕСНАЯ КНИГА

Это случилось через четыре дня после прибытия в Ленинград. Саша уже начал писать вторую главу дипломной работы по сделанным ранее записям из источников. Он писал о диалектах древнегреческого языка в архаическую эпоху. Здесь были упомянуты и процитированы многие поэты и философы Древней Греции. И за работой Саша вдруг вспомнил, что Валька рассказывал ему о какой-то чудесной книге о Древнем мире, которая есть в библиотеке. Эту книгу написал один средневековый учёный, и написал так увлекательно, что ею зачитывались уже десятки поколений. Такая книга точно должна была помочь в написании диплома или в подготовке к экзаменам, но что самое главное – Саше было очень интересно увидеть и прочитать эту книгу, ведь он сам хотел написать учебник по истории Древнего мира.

Оставив на время дипломную работу, он стал собираться в библиотеку. За эти четыре дня заметно похолодало; ветер гнал по улицам позёмку.

Саша не запомнил фамилию автора, но работники библиотеки очень быстро поняли, какая книга ему нужна. Эту книгу нашли, и он отправился в читальный зал.

У него в руках был толстый 600-страничный том коричневого цвета. Сев за свободный столик, Саша открыл его и стал медленно просматривать. Эта книга увлекла его уже с пер-

вых страниц. На титульном листе был портрет того учёного – старика в академической шапочке, в мантии, с длинной белой бородой. Книга называлась «История древних цивилизаций».

В ней было четыре больших раздела: «Первобытное общество», «Древний Восток», «Древняя Греция» и «Древний Рим». Эта книга была больше похожа на роман, чем на учебное пособие или научную работу – она была написана простым, доступным языком, и о древних людях рассказывалось так подробно, убедительно и ясно, будто автор сам жил когда-то среди них. Потеряв счёт времени, Саша погрузился в тот волшебный и загадочный мир. Перед ним проносились события, он будто наяву видел известных людей из древности. И за эти два дня (в первый день он не успел всё прочитать) он словно сам побывал в гостях у первобытных людей, у древних шумеров, египтян, греков, римлян и многих других народов. В повествование было вплетено много легенд и мифов разных народов; автор поведал о таких мифических государствах, как Атлантида, Гиперборея, Шамбала, Эльдорадо и другие. Также было рассмотрено искусство разных стран, рассказано о многих древних сооружениях, в том числе о пирамидах Египта, Колоссе Родосском, храме Зевса в Олимпии, Стоунхендже, Вавилонской башне, Великой Китайской стене, Колизее в Риме. В книге было много чёрно-белых рисунков, иллюстрирующих разные события, портретов людей и изображений разных предметов;

здесь были карты разных государств и схемы.

Саша был в восторге от этой книги. Ему захотелось, чтобы такая книга была у него, хотя он уже прочитал её и помнил чуть ли не наизусть – это было такое сокровище! И когда он сдавал эту книгу обратно, то спросил у библиотекаря:

– А такую книгу можно найти в каком-нибудь книжном магазине?

– Думаю, пока нет, – ответила работница. – Это раритет, и в нашей библиотеке это единственный экземпляр. Наверное, во всём Советском Союзе таких экземпляров единицы, если они есть.

– Как бы я хотел такую книгу... И вы ни за какую цену не можете продать мне её?

– Вы далеко не единственный, кто хотел купить здесь эту книгу, – вздохнула женщина. – Но это очень ценная и редкая вещь, и она не продаётся. Вам ведь её даже с собой не дали.

Саша ушёл в подавленном состоянии. Вечером, когда они с отцом ужинали в гостиничной столовой, тот спросил:

– Где ты пропадал два дня? Опять загулял?

Саша поведал ему о той книге, которую читал эти два дня.

– Жалко, что её нельзя нигде купить... Это такая хорошая книга!

– Да ладно, не расстраивайся ты, – ответил отец. – Если тебе что-нибудь нужно по учёбе, то выпиши оттуда. А так ведь без неё можно прожить?

– Можно... – с грустью сказал Саша.

– А ты молодец, по триста страниц в день читаешь, – заметил Никита Ростиславович. – Почти как Сталин. Он четыреста читал, а то и больше.

– Когда он успевал? – удивился Саша. – Я ведь ничего больше не делал, только читал, а он ещё работал.

– У него память была прекрасной, он запоминал всё быстро, и читал поверхностно, как бы просматривая. И чтение у него занимало, конечно, не целый день.

Саша вспомнил, как в первый раз увидел Сталина. Было ему тогда шесть лет, они с отцом прибыли в Сенатский дворец, и Никиту Ростиславовича повели на какую-то встречу, а Саша остался ждать его у выхода. Он заигрался в деревянных человечков, которых всюду носил с собой, и «очнулся» от игры лишь тогда, когда услышал голоса. Из какой-то двери вышел пожилой человек с седой шевелюрой и усами, взглянул на Сашу; за ним вышел, поблёскивая очками, другой мужчина, полноватый, с лысиной, и тоже поглядел на малыша, притаившегося в углу. Это были Сталин и Молотов. В следующую же секунду они занялись своими разговорами и прошли мимо; с ними были ещё два человека.

Через какое-то время вернулся Никита Ростиславович, взял Сашу на руки, и они отправились домой. Когда Саша рассказал отцу об этой встрече, тот ответил:

– Этот дядя – главный в нашем Советском Союзе. Это товарищ Сталин.

Позже Саша много раз видел Сталина во время его вы-

ступлений, но первую встречу запомнил навсегда.

ГЛАВА 12. УЧЕНИКИ

На другой день после приезда в Москву Никита Ростиславович сказал Саше:

– У нас на работе одному учёному требуется помощь – надо его сына подтянуть по русскому языку. Ты ведь силён в русском языке?

– У него врождённая грамотность, – напомнила мама.

– Даже не знаю... – растерялся Саша. – Я ведь и раньше работал домашним учителем, но по истории...

– По истории мальчик как раз пятёрочник, – ответил отец. – Из-за своего чрезмерного интереса к истории он запустил много других предметов, и теперь отец нанимает ему учителей.

Он достал из кармана бумажку и протянул Саше:

– На, решай сам. Здесь адрес, телефон и сумма за одно занятие.

«Ну что ж, попытка – не пытка», – подумал Саша и отправился звонить коллеге отца.

Тот оказался приятным в общении человеком. Он объяснил, что требуется от Саши, рассказал, как добратся, и добавил напоследок:

– Вы уж, пожалуйста, поостороже с ним. Совсем он распустился...

Саша напрягся, ожидая в назначенный день встретиться

со строптивым, непослушным учеником, но по прибытии к клиенту увидел робкого, тихого мальчика. Вадик – так звали ученика – учился в шестом классе.

Отец Вадика – интеллигентного вида мужчина – пожал Саше руку и пригласил его пройти в комнату. Ученик копался в портфеле, ища ручку.

– Вадик, неужели нельзя было заранее подготовиться к приходу репетитора? – сердился отец. – Почему ты такой рохля?

Саша стал беседовать с учеником, выявлять, что он знает хорошо и что – плохо. Папа Вадика сидел на диване, читал газету и прислушивался к их разговору. Удостоверившись, что Саша – хороший, грамотный преподаватель, он оставил их и ушёл.

Вадик стал делать домашнее задание по русскому языку.

– Саша, вы будете чай или кофе? – заглянула в комнату мама ученика.

– Да, чаю можно, – отозвался Саша. – Спасибо.

Мама Вадика принесла поднос с двумя чашками чая и вазочками с печеньями и конфетами, и после окончания занятия Вадик с Сашей стали пить чай и болтать о разном.

– Твой папа сказал, что тебе нравится история, – вспомнил Саша. – А какая история? Какого периода?

– История Древнего мира, – ответил Вадик. – Мы её в прошлом году проходили, сейчас Средневековье проходим.

– А почему именно Древний мир? – спросил Саша, хотя

знал наверняка ответ на этот вопрос.

– Там всё как-то более... сказочно, что ли, – попытался объяснить Вадик. – Средневековье уже как-то мрачнее...

– Да, а Новое и Новейшее время – сложнее, – кивнул Саша. – Я тоже люблю историю Древнего мира. В этой истории много интересных персонажей, великих личностей, которых помнят и много веков спустя.

Буквально через пару дней после этой встречи объявился ещё один ученик. К Саше пришёл десятиклассник Аристарх, которому нужно было подготовиться к экзамену по истории. Он узнал от своего друга, бывшего ученика Саши, что тот здорово помогает ученикам повысить успеваемость, и пришёл за помощью. Так у Саши стало сразу двое учеников.

Аристарх жил в коммунальной квартире. В ней шёл ремонт, и они с Сашей готовились по истории среди нагромождений мебели, каких-то ящиков, досок. Им надо было повторить практически всю мировую историю, и на первом занятии Саша стал рассказывать Аристарху о методах изучения истории, об археологии, потом перешёл к первобытному времени.

– Кстати, я слышал предание о каком-то первобытном старике с необыкновенным умом, – вспомнил Аристарх. – Его так и прозвали – Великий Ум. Он осмыслил ход истории и предсказал историю человечества, изрёк немало мудрых суждений и много чего изобрёл. Его останки археологи ищут

уже очень давно, но никому точно не известно, где он жил.

– Где ты слышал это предание? – спросил Саша.

– Не помню... Или слышал, или читал где-то... – задумался Аристарх. – Когда вспомню, обязательно скажу.

Он тоже хотел поступить на филологический факультет МГУ и поэтому расспрашивал Сашу, как он там учится, какие там есть предметы, о чём его дипломная работа и так далее.

Саша нарисовал на листке бумаги схему и протянул Аристарху:

– Это периодизация всемирной истории. К следующему занятию вспомни основное содержание каждого периода.

Так возобновилась Сашина педагогическая деятельность. К Аристарху он ездил раз в неделю, а к Вадику его вызывали куда чаще – отец мальчика мог позвонить ему в любой день и попросить приехать. И, когда он бывал дома, то ворчал на сына: или почерк у него плохой, или учебник куда-то подевал. Сашу каждый раз угощали чаем с конфетами, и он чувствовал себя уютно и здесь, и у Аристарха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.